

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ляшенко Т.М. — Архетипические черты образов Ольги и Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Филология: научные исследования. – 2023. – № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2023.3.39950 EDN: JEYSDG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39950

Архетипические черты образов Ольги и Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Ляшенко Татьяна Михайловна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных и русского языков, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии - МВА им. К.И. Скрябина

109472, Россия, г. Москва, ул. Ак. Скрябина, 23

✉ po-ruski@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2023.3.39950

EDN:

JEYSDG

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2023

Аннотация: Объектом исследования являются женские образы в романе в стихах А.С. Пушкина "Евгений Онегин". В качестве предмета исследования выступают архетипические черты образов Татьяны и Ольги. Автор, опираясь на труды К.Г. Юнга и Т. Четуинда, даёт характеристику архетипов Невесты и Сестры, весьма широко представленных в фольклорных и литературных текстах. В романе в стихах "Евгений Онегин" Татьяна и Ольга несут в себе преимущественно черты архетипа Невесты, что обусловлено особенностями развития сюжета. Однако признаки архетипа Сестры, отмечающиеся в этих образах, позволяют понять специфику взаимоотношений героев более глубоко. Новизна исследования состоит в том, что архетипический подход впервые применён к анализу женских образов в творческом наследии А.С. Пушкина. Автор приходит к выводу, что архетипические черты персонажей романа в стихах «Евгений Онегин» сообщают тексту особую психологическую достоверность, убедительность, реалистичность. Анализ этих черт позволяет заключить, что в картине мира поэта женщина-невеста обладает колоссальным влиянием, распоряжается судьбой своего избранника. Образ невесты в сознании Пушкина, по-видимому, был в тот период тесно связан с темами мужского самоопределения, поиска экзистенциальных путей, осмысления прошлого и формирования личностной зрелости.

Ключевые слова:

Евгений Онегин, архетип, литературный образ, женский образ, образ сестры, образ невесты, Александр Сергеевич Пушкин, психологизм, волшебная сказка, архетипический анализ

9 мая 1823 года в Кишинёве была начата работа над текстом, которому суждено было стать едва ли не самым значительным литературным событием первой трети XIX века – романом в стихах «Евгений Онегин». Роман в стихах как жанр до той поры не существовал, но нетрудно заметить, что и после «Евгения Онегина», имевшего большой и, несомненно, заслуженный успех, было предпринято крайне мало попыток развить это жанровое направление. В русской литературе «Евгений Онегин» остался самобытным творением, достойных аналогов которому нет.

Произведения А.С. Пушкина по-прежнему привлекают внимание исследователей, и одна из причин их актуальности заключена, по-видимому, в том, что к ним, как и ко многим другим созданиям человеческого гения, применимы самые разнообразные способы описания и аналитические модели. Написанные около двухсот лет назад поэтические и прозаические тексты великого творца и сегодня поражают психологической достоверностью, способностью вызывать сопереживание читателя, что достигается обращением к глубинным человеческим смыслам, не подверженным влиянию времени. Архетипы как раз и представляют собой смысловые универсалии, благодаря которым создаётся пространство взаимодействия, объединяющее интенцию автора и читательское восприятие.

Специфика архетипического подхода к литературному тексту состоит в том, что тот или иной образ, обладающий чертами архетипа, рассматривается не просто как статичный набор определённых черт, но как динамические отношения внутри сюжета, отражающие авторскую «модель мира». К.Г. Юнг, основоположник теории архетипов, утверждал, что «невозможно дать произвольную (или универсальную) характеристику любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому он принадлежит» [\[6; с. 109\]](#). Говоря об архетипах в литературном тексте, следует, таким образом, в первую очередь рассматривать не отдельные свойства персонажей, а специфику отношений, в которых эти персонажи оказываются. На этом основании в используемой нами классификации архетипов, созданной Т. Четундом и адаптированной нами под задачи литературоведческого анализа, выделяются четыре женских архетипических образа: Мать, Дочь, Сестра и Жена (Невеста). Основанием для классификации становится специфика отношений, формируемых указанными образами с героем-мужчиной, который выступает в качестве «точки координатора» (термин И. Калинаускаса). Такой подход позволяет выявлять типично женские архетипические черты и стили поведения, которые наиболее отчётливо заметны на фоне мужских [\[2; с. 56\]](#).

В романе в стихах «Евгений Онегин» особое внимание автора, несомненно, уделено образу Невесты. Любовные отношения молодых людей (Онегина и Татьяны, Ленского и Ольги) составляют основу фабулы произведения.

Как уже неоднократно отмечалось, архетип девушки-невесты для мировой литературы и фольклора является одним из самых популярных. Его можно обнаружить в большом

количестве волшебных сказок – как народных, так и авторских. В сказках, повествующих о путешествии героя, невеста становится для центрального персонажа своего рода вознаграждением в финале сложного пути преодоления трудностей; часто она наделена сверхспособностями, позволяющими ей чудесным образом влиять на своего избранника, способствовать его духовному преображению. Однако любой архетип, как было замечено ещё К.Г. Юнгом, обладает свойством амбивалентности, и в своём негативном аспекте архетипическая невеста может обратить своё могущество против героя, непоправимо покалечить его (чаще всего, кастрировать) или даже убить. Такое малоприятное развитие событий имеет место в тех случаях, когда Невеста сомневается в правильности сделанного ею выбора или герой допускает роковую ошибку, демонстрируя тем самым, что он недостоин Невесты.

Образы Татьяны и Ольги Лариных в романе, без сомнения, включают в себе архетипические свойства, и прежде всего в них проявлен архетип Невесты, что обусловлено особенностями развития сюжета. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что героини являются сёстрами; с архетипических позиций это обстоятельство чрезвычайно значимо. Архетип сестры по одному из классифицирующих признаков сближается с архетипом невесты: так же, как и Невеста, Сестра может восприниматься героем как сексуальный объект, однако связь с нею не приводит героя к серьёзным трансформациям и не приносит метафизических приобретений. Как правило, брак с Сестрой осуществляется вынужденно, при отсутствии настоящей Невесты, но случается, что Сестра функционирует в произведении как «подложная Невеста», и связь с ней уводит героя с истинного пути. Смешение архетипических ролей в сознании героя, внутренняя слепота, порождающая неспособность отличить Сестру от Невесты (и наоборот), обычно не просто опасны, но губительны.

К моменту знакомства с сёстрами Лариными Онегин уже успел испытать череду разочарований, утомиться от светской жизни, ощутить отвращение к интеллектуальному труду, познать скуку однообразного помещичьего быта. Согласно логике волшебной сказки, встреча с чудесной невестой должна вывести героя из кризиса, открыть новые перспективы. Однако описываемая Пушкиным ситуация не способствует открытости героя чудотворным переменам. Если верить поэту, его герой уже некоторым образом состоит в браке: «хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена» (глава 1, строфа LIV). Женатый на своей хандре, Онегин внутренне не готов к отношениям с какой-либо иной Невестой, такой намёк читатель получает ещё до появления на страницах романа Ольги и Татьяны.

Онегин, как мы помним, в течение восьми лет приобрёл изрядный опыт в «науке страсти нежной», он даже мог «давать уроки» по этому увлекательному предмету, однако архетипическая невеста всегда оказывается могущественнее даже самого искушённого сердцееда. Сила Татьяны, согласно Пушкину, в её искренности, в неподдельности и непосредственности чувства, в отсутствии расчёта – не случайно же поэт посвятил любовным переживаниям героини несколько проникновенных строф, противопоставляя её хладнокровным кокеткам. Её письмо, адресованное Онегину, разбудило скучающую душу героя, оживило тоскливое существование: «Онегин живо тронут был: / Язык девических мечтаний / В нем думы роем возмущил; / И в сладостный, безгрешный сон / Душою погрузился он. / Быть может, чувствий пыл старинный / Им на минуту овладел» (глава 4, строфа XI). Письмо, способное навеять «сладостный, безгрешный сон» циничному и пресыщенному человеку, несомненно, обладает магической силой. Главная функция архетипической невесты, главное предназначение её магии – пробуждение жизни и обновление. У Евгения был шанс, но он им не воспользовался.

Онегин отвёл Татьяне иную архетипическую роль; не разглядев в ней Невесту, он предлагает ей статус Сестры: «Я вас люблю любовью *брата* » (глава 4, строфа XVI). По логике коллективного бессознательного, отражённой в мифологических, сказочных и литературных сюжетах, подобные ошибки узнавания губительны и для героя, и для невесты. Если сказочный принц не обнаружил подлинную обладательницу туфельки, а женился на одной из дочерей злой мачехи, если царевич отказался поцеловать спящую в гробу царевну, если купец не вытащил Алёнушку из реки, а остался жить с ведьмой, не обращая внимания на подмену, такой вариант финала воспринимается как безрадостный, не обещающий героям счастья.

Пушкин в сцене гадания предвещает Татьяне смерть: её кольцо вынимают из чаши под песню о потустороннем мире. Мы видим своего рода обратное развитие сказочного сюжета: встреча с женихом воскрешает мёртвую царевну – встреча с Онегиным убивает живую Татьяну. Переживания героини, вызванные ответом Онегина на её искренность, описываются через лексические средства и образы, связанные с отсутствием жизни, умиранием: «машинально», «погибну», «стынет кровь». Во сне она представляет возлюбленного повелителем адских чудовищ, убийцей, предвидит грядущую дуэль. Татьяна, юная, не имеющая опыта жизни провинциальная барышня, оказывается способна дать точную и безжалостную оценку личности Онегина, изучая прочитанные им книги: «Уж не пародия ли он?» Таким образом, Невеста оказывается мудрее своего избранника и духовно сильнее его: она не боится возможных последствий своего чувства, верна ему, несмотря на многочисленные предостережения и прямые препятствия.

Но всё же нарративная логика неумолима: история должна развиваться в соответствии с предустановленными для неё законами, только в этом случае она будет восприниматься как достоверная, только в этом случае станет узнаваемой для читателя. Уже в сцене празднования Татьянинных именин мы наблюдаем перерождение героини: пылкая, чувственная, искренняя, она берёт свои эмоции под контроль: «но воля и рассудка власть превозмогли» (глава 5, строфа XXX). Хоть на мгновение приветливый взгляд Онегина «сердце Тани *оживил* », этот эффект так же быстро и проходит, едва лишь сознание героя занимает идея отомстить приятелю и оказать знаки внимания Ольге.

Позднее мы видим Татьяну, уже замужнюю женщину, сдержанной, «равнодушной», «неприступной», «величавой», «небрежной», то есть по сути неживой, и попытки «оживления» в виде настойчивых ухаживаний и страстного письма ни на что уже не способны повлиять по-настоящему. Письмо Онегина только усугубляет ситуацию: «У! как теперь окружена крещенским *холодом* она!» (глава 8, строфа XXXIII). Да и сам герой от своего неожиданного чувства не оживает, а скорее впадает в тяжкий, едва ли не смертельно опасный недуг. Если письмом, написанным юной Татьяной, Онегин «*живо* тронут был», то для описания страсти героя Пушкин прибегает к образам болезни и смерти: «Она его не замечает, как он ни бейся, хоть *умри* », «Онегин сохнет – и едва ль уж не чахоткою страдает» (глава 8, строфа XXXI), «он заране писать ко прадедам готов о скрой встрече» (глава 8, строфа XXXII). И даже когда «веснаживит его», Онегин идёт к Татьяне «на *мертвеца* похожий» (глава 8, строфа XL).

Это минутное «оживление» передаётся и героине: «Простая дева, с мечтами, сердцем прежних дней, теперь опять *воскресла* в ней» (глава 8, строфа XLI). Но вспышка чувства вновь кратковременна, и теперь уже Татьяна решительно ставит точку в отношениях. Как архетипическая Невеста она не может принадлежать двоим, её магическая сила способна распространяться лишь на одного суженого, так что фраза «я другому отдана; я буду век ему верна» звучит закономерно. Татьяна щадит чувства Онегина, она, если

угодно, платит ему той же монетой за его благородное, но безжалостное решение, за его отповедь, услышанную ею в саду. Герой тогда уверял её, что не искал бы иной подруги жизни, если бы хотел мирного семейного счастья; теперь героиня говорит, что, быть может, поступила неосторожно, выйдя замуж за вельможу, но на самом деле архетипическая невеста ошибок не допускает.

Пушкин недвусмысленно даёт читателю понять, что Онегин мог влюбиться лишь в совершенно исключительную женщину, достоинства которой очевидны для его референтного круга лиц («законодательницу зал»), и Татьяна именно такой женщиной стала. Более того, Онегину, по-видимому, наиболее интересен был бы объект влечения, недоступный для него («неприступная богиня»), и здесь Татьяна ведёт себя безошибочно, разжигая его страсть. Проще говоря, Татьяна (допустим, бессознательно, но вполне целенаправленно) мстит отвергнувшему её мужчине; эта история напоминает сюжет сказки Г.Х. Андерсена «Свинопас» – Пушкину, разумеется, неизвестной, поскольку опубликована она была уже после гибели поэта. Пафос сказки Андерсена, хотя и противоположно ориентированной в гендерном смысле, близок идее Пушкина: тот, кто не способен оценить по достоинству подлинного сокровища, но безрассудно прельщается малозначимыми внешними эффектами, терпит жизненный крах.

Татьяна так и объясняет Онегину свою позицию: я была «лучше», была настоящей, но тогда не нравилась вам; теперь же я богата, знатна и вам интересна, но принадлежать вам не буду; страдайте же – и поделом. Не такие ли слова хотели бы произнести многие обиженные мужчинами женщины? Не мечтали ли они отомстить подобным образом за холодность и невнимание к себе – превратиться в недоступный идеал, чтобы обидчик осознал масштабы потери? Пушкин предложил читательницам такой финал, который точно отразил многочисленные женские социальные ожидания, но это обеспечило только половину успеха. Помимо того, специфическая «месть» Татьяны содержит в себе архетипическое послание, адресованное миру мужчин и напоминающее о том, что, как бы ни был мужчина объективно привлекателен и настойчив, окончательный выбор всегда остаётся за женщиной. В этом смысле роман в стихах «Евгений Онегин», как и более ранняя повесть «Дубровский», имеющая сходный финал, представляет собой, выражаясь современным языком, феминистический манифест: женщина делает выбор, а мужчине не остаётся ничего другого, как этот выбор покорно принять – принять, в конечном итоге, из женских рук свою судьбу. Таково, по-видимому, было мироощущение поэта в тот период жизни и творчества, и невозможно не заметить пророческого (или, возможно, программирующего) характера этой экзистенциальной установки.

Заметим, впрочем, что месть могла бы не состояться без деятельного участия самого героя. Онегин подставил себя под удар не тогда, когда холодно отчитывал юную уездную барышню, опрометчиво пообещавшую ему «я твоя» – действительно рискованное признание по тем временам, не сулившее Татьяне в случае огласки ничего хорошего. Как и в сказке Андерсена, отвергнутые дары ещё не обеспечивают «состава преступления»; герой оказался мишенью для мести, когда принял настойчиво преследовать замужнюю даму, компрометируя её. Пушкин и сам в бытность холостяком не гнушался подобными ухаживаниями, но ко времени написания восьмой главы «Евгения Онегина» он уже просил руки Натальи Гончаровой, потому, может быть, и стремился, говоря на страницах своего произведения от первого лица, предстать человеком серьёзным и рассудительным. Известно письмо Пушкина Наталье Николаевне, уже супруге, от 30 октября 1833 г. (год публикации первого отдельного издания «Евгения Онегина»), в котором он осуждает её за легкомысленное поведение, уверяя, что «коккетство не в моде и почитается признаком дурного тона» [\[4; с. 147\]](#), и

высказывается довольно резко относительно того, чем не брезговал прежде сам. Положение женатого человека может способствовать перемене нравственных ориентиров, хотя бы отчасти, но дело, в принципе, не только в этом. Пушкинский герой позволил себе рискованную попытку отказаться от холодного равнодушия, обнаружил в себе живую, чувствующую душу – и эта душа тут же понесла наказание за все прошлые прегрешения. Пока ты юн и циничен, ты неуязвим для душевной боли, самое неприятное из доступных тебе чувств – скука. Но стоит только раскрыться навстречу многогранным живым эмоциональным состояниям, и страдание, проломив внутренние заслоны, отвоёвывает все сомнительные достижения былого цинизма. Пробуждение анестезированной души всегда крайне болезненно.

Почему герою Пушкина непременно требуются отношения с недоступной женщиной? Вопрос этот, разумеется, имело бы смысл адресовать самому автору. Онегин боится близости, он бежит от долгосрочных отношений, а краткосрочные только истощают его: «в красавиц он уж не влюблялся, а волочился как-нибудь». Сильная страсть охватывает героя тогда, когда, с одной стороны, отношения обещают полноту искренности (Татьяна может любить только так), а с другой – препятствия к воссоединению непреодолимы (возлюбленная – жена давнего приятеля, к тому же серьёзная женщина с жёсткими моральными установками).

В устойчивых супружеских отношениях мог оказаться Ленский, но Пушкин уготовил для него иной жребий – смерть от пули, и это несмотря на то, что в сюжетной линии «Ленский – Ольга» поэт вроде бы намеревался изобразить «картину счастливой любви» (глава 4, строфа XXIV).

Имя Ольги впервые встречается во второй главе в связи с откровенным рассказом Ленского о своих чувствах. Рассказ этот светел, ничто в нём не предвещает негативного развития событий: Ольга считается невестой Ленского с детских лет, их браку нет никаких препятствий, девушка практически идеальна и подходит юному поэту как никто другой: «Всегда скромна, всегда послушна, / Всегда как утро весела, / Как жизнь поэта простодушна, / Как поцелуй любви мила». В четвёртой главе описывается идиллическое развитие отношений, но в XXXIV строфе обнаруживается неожиданное расхождение во вкусах влюблённых: «Поклонник славы и свободы, / В волненье бурных дум своих, / Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их». Ольга, как видим, каким-то образом подавляет творческий импульс юного поэта, ограничивает его. Может показаться, что это мелочь, однако она значима в контексте дальнейшего развития событий: в подавлении творческих порывов проявляется негативная сторона архетипа невесты, что, как уже было указано выше, чрезвычайно опасно для героя и может грозить ему смертью.

В самом конце главы поэт выражает сомнения в чувствах Ольги к Ленскому: «Он был любим... по крайней мере / Так думал он» (глава 4, строфа LI). Отсутствие искренних чувств, отсутствие тотального принятия возлюбленного Невестой приводит к отношениям, в которых герой метафорически «кастрирован», то есть он утрачивает способность к самореализации. Можно предположить, что такой результат для самого Пушкина был ничуть не привлекательнее, чем гибель, на которую он в конце концов и отправил Ленского. Возможный сценарий судьбы героя автор описывает довольно мрачно: «В нём пыл души бы охладел. / Во многом он бы изменился, / Расстался б с музами, женился» (глава 6, строфа XXXIX). Женильба, как видим, стоит в одном ряду с утратой душевного пыла, интереса к творчеству и жизни в целом, и потенциальная жена играла бы в этом безрадостном процессе роль отнюдь не последнюю.

Ольга ведёт Ленского к гибели; прежде так же её мать, выданная замуж за нелюбимого человека, свела в могилу Дмитрия Ларина. Семейная жизнь четы Лариных описана как вполне благополучная, но всё же в повествование о сытой и спокойной жизни неминуемо вторгается тема смерти – закономерного итога земного человеческого бытия: «И так они старели оба. / И отворились наконец / Перед супругом двери гроба, / И новый он приял *венец* » (глава 2, строфа XXXVI). Венец, заметим, есть атрибут брачного обряда, и «новый венец» Дмитрия Ларина, знаменующий в некотором роде обручение со смертью, будучи зарифмован с наречием «наконец», создаёт ощущение долгожданного облегчения, которому способствовал окончательный «побег» мужчины от не любящей, а лишь привыкшей к супружеству женщины – в мир иной. Таким был бы и удел Ленского, если бы его жизненный путь не прервался трагически.

Мнимая «измена» возлюбленной как повод для дуэли (простительная когнитивная ошибка для юного и темпераментного человека, живущего в XIX веке) по сути представляет собой формальное событие. Молодой поэт должен был погибнуть если не физически, то духовно; Пушкин, надо полагать, ощущал гибель такой субличности в себе, её заменила другая субличность – разочарованная, опустошённая. Даже тогда, когда Ленский понимает, что дуэли можно избежать, он, тем не менее, продолжает упорствовать и доказывать самому себе, что отправляется на благое дело – выступает как «спаситель» Ольги, которую, на самом-то деле, спасти и не от кого, и незачем. Герой идёт на смерть по собственной воле, но настойчивость этого движения, игнорирование доводов рассудка, как бы временное аффективное помрачение ума, наводят на мысль о пребывании под действием магических чар. Чьи это чары? Разумеется, Ольгины; читателю больше некого назначить на эту роль.

Ольга, таким образом, не может стать для Ленского подлинной Невестой, или Невестой в положительной ипостаси: она, конечно, «милая», как определяет её поэт, вообще обнаруживающий пристрастие к этому эпитету, но её близость смертельно опасна. Во взаимоотношениях с Онегиным она ведёт себя как архетипическая сестра, причём тоже проявляет себя с негативной стороны: легкомысленно польщённая ухаживаниями Евгения, она своим поведением приводит его к убийству того, кого Татьяна считает «братом», и тем самым создаёт препятствие между героем и Невестой: «Она должна в нём ненавидеть убийцу брата своего» (глава 7, строфа XIV).

Архетипическая сестра, выполнив свою функцию (позитивную или негативную), затем может исчезнуть из повествования, порой бесследно. В романе в стихах «Евгений Онегин» автор тоже устраняет Ольгу из сюжета: она выходит замуж за улана, её провожают из родительского дома, и более о ней никто не вспоминает, даже Татьяна.

В заключение подчеркнём, что созданные в романе в стихах «Евгений Онегин» женские образы, несомненно, несут в себе архетипические черты, что делает их глубокими, убедительными, реалистичными. Черты архетипа проявляются во взаимоотношениях героинь с героями-мужчинами и позволяют прийти к выводу, что в картине мира поэта женщина-невеста в равной мере притягательна и опасна, она обладает колоссальным влиянием, распоряжается судьбой своего избранника и его жизнью – в самом прямом, физиологическом смысле этого слова. Деструктивные по отношению к герою действия Невеста может совершать без злого умысла, подчиняясь обстоятельствам, актуальным для своего времени нормам морали и естественным импульсам своей души, но всё же именно она, будучи главным действующим лицом в личностной трансформации героя, в превращении юноши в мужчину, тем или иным образом определяет направление его развития (или деградации). Подобное могущество свойственно не только архетипической невесте, но также отчасти Сестре и, в гораздо большей степени, Матери. Однако в

«Евгении Онегине» именно взаимоотношения с Невестой становятся сюжетной основой текста, именно окончательным разрывом с возлюбленной и утратой надежд на взаимность заканчивается история центрального персонажа. Это даёт основания предположить, что в сознании поэта образ Невесты был в тот период тесно связан с темами мужского самоопределения, поиска экзистенциальных путей, осмысления прошлого и трудного, порой мучительного формирования личностной зрелости – то есть с теми вопросами и проблемами, которые делают пушкинский роман в стихах не только литературным шедевром, но и произведением с глубоким психологическим содержанием.

Библиография

1. Калинаускас И.Н. Преображение. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 352 с.
2. Ляшенко Т.М. Классификация женских архетипических образов в художественном тексте // Филология: научные исследования. 2022. № 2. С.54-65.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения. Москва: Государственное издание художественной литературы, 1960. 595 с.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. Письма. Москва: Государственное издание художественной литературы, 1962. 487 с.
5. Смирнова В.Г. А.С. Пушкин и русская языковая картина мира // Пушкинские чтения. Сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «XXVIII Пушкинские чтения». 2019. С. 81-85.
6. Юнг К. Г. Об архетипах бессознательного // Вопросы философии. Москва: Наука, 1988. №1. С. 132–152.
7. Юнг К. Г. Человек и его символы. Санкт-Петербург: Б.С.К., 1996. 454 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», несомненно, классика русской литературы. На сегодняшний день об этом тексте накоплена огромная критическая база – здесь и фундаментальные исследования, и монографии, и научные статьи. И все же это произведение привлекает внимание исследователей, к этому тексту вновь и вновь обращаются. Рецензируемая работа касается дешифровки архетипических черт женских образов «Евгения Онегина». Татьяна и Ольга, по мнению автора статьи, всецело созданы как модели архетипического порядка, А.С. Пушкин вложил в «номинацию» этих фигур структурно-стержневые приметы классических, традиционных прототипов. Статья грамотно написана, текст можно дифференцировать на т.н. смысловые блоки – это начало, основная часть и заключение. Во вводной части дан краткий информационный экскурс относительно романа «Евгений Онегин», сформирован импульс к дальнейшему изучению текста: «9 мая 1823 года в Кишинёве была начата работа над текстом, которому суждено было стать едва ли не самым значительным литературным событием первой трети XIX века – романом в стихах «Евгений Онегин». Роман в стихах как жанр до той поры не существовал, но нетрудно заметить, что и после «Евгения Онегина», имевшего большой и, несомненно, заслуженный успех, было предпринято крайне мало попыток развить это жанровое направление. В русской литературе «Евгений Онегин» остался самобытным творением, достойных аналогов которому нет», «произведения А.С.

Пушкина по-прежнему привлекают внимание исследователей, и одна из причин их актуальности заключена, по-видимому, в том, что к ним, как и ко многим другим созданиям человеческого гения, применимы самые разнообразные способы описания и аналитические модели. Написанные около двухсот лет назад поэтические и прозаические тексты великого творца и сегодня поражают психологической достоверностью, способностью вызывать сопереживание читателя, что достигается обращением к глубинным человеческим смыслам, не подверженным влиянию времени». Основная же часть сочинения ориентирована на верификацию архетипических черт образов Ольги и Татьяны, причем методологический грейд выдержан максимально точно. Автор оговаривает, что «специфика архетипического подхода к литературному тексту состоит в том, что тот или иной образ, обладающий чертами архетипа, рассматривается не просто как статичный набор определённых черт, но как динамические отношения внутри сюжета, отражающие авторскую «модель мира». К.Г. Юнг, основоположник теории архетипов, утверждал, что «невозможно дать произвольную (или универсальную) характеристику любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому он принадлежит», «говоря об архетипах в литературном тексте, следует, таким образом, в первую очередь рассматривать не отдельные свойства персонажей, а специфику отношений, в которых эти персонажи оказываются». Рецензируемый текст не содержит серьезных фактических сбивов, ошибочных, противоречивых суждений практически нет. Стиль работы соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся с учетом коннотативной магистрали. В работе должное количество ссылок на сам роман, аргументации, на мой взгляд, достаточно. Основная цель исследования достигнута, в заключительной части отмечается, что «созданные в романе в стихах «Евгений Онегин» женские образы, несомненно, несут в себе архетипические черты, что делает их глубокими, убедительными, реалистичными. Черты архетипа проявляются во взаимоотношениях героинь с героями-мужчинами и позволяют прийти к выводу, что в картине мира поэта женщина-невеста в равной мере притягательна и опасна, она обладает колоссальным влиянием, распоряжается судьбой своего избранника и его жизнью – в самом прямом, физиологическом смысле этого слова». Отличает работу органика теоретического (К.Г. Юнг) и практического ряда, соразмерность дает возможность автору выбранную проблему актуализировать, привлечь читателя к диалогу-анализу. Практический характер исследования наличен, основные требования издания учтены, тема раскрыта. Рекомендую статью «Архетипические черты образов Ольги и Татьяны в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».